
ИНОГДА
НУЖНО ИСКАТЬ
НЕ НЕВЕСТУ,
А ЧЕЛОВЕКА
СВАХА
ДЛЯ
ТЁМНОГО ЛОРДА
18+
АДЕЛИНА СЕВЕРИН

Аделина Северин

Сваха для темного лорда

https://litres.ru/74936053
SelfPub; 2026

Аннотация

Илонен — профессиональная сваха. Она знает семь языков, три из которых мёртвые, умеет определять характер по почерку и совместимость по анкете, и никогда не ошибается. Почти. Когда на пороге её конторы появляется тёмный лорд — весь в чёрном, с воротником, закрывающим половину лица, и с выражением человека, который не улыбался двести лет, — она берётся за дело. Найти невесту для тёмного лорда. Что может быть проще?

Оказывается, всё. Потому что замок лорда— это не просто замок. Это портал в мир демонов. Илонен могла бы уйти. Но она сваха. А свахи не сдаются.

Это история о том, как найти любовь там, где её не ждали. О тёмных лордах, которые пекут хлеб. О ведьмах, которые говорят загадками. О девушках, которые зажигают огонь. И о свахах, которые не уходят. Пока.

Содержание

Глава 1. Анкета для темного лорда 4
Глава 2. Побег в полночь 14
Глава 3. Бесстрашная некромантка или записки Виены 18
Глава 4. Аудит 31
Глава 5. Новый проект 52
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Аделина Северин
Сваха для темного лорда

Глава 1. Анкета для темного лорда

Я и подумать не могла, что работа окажется настолько интересной, когда открывала свое агентство по поиску пар. Подумала бы аж пять раз.

Илонен всегда говорила: хорошая сваха начинает с анкеты, отличная — с разведки, а великая начинает с того, что отправляет помощницу туда, куда сама не хочет идти.

Агентство Илонен располагалось на третьем этаже дома с покосившейся вывеской «Любовный розыск. Без проклятий» — последнее было ложью, но клиенты ценили честность в мелочах. Внутри пахло лавандой, старыми бумагами и чужими надеждами. На стенах висели портреты удачных пар и Илонен гордилась тем, что ни одна из них не развелась. Пока что.

Сама Илонен была женщиной неопределенного возраста — в том смысле, что она выглядела на столько, на сколько ей было выгодно выглядеть. Темные волосы она собирала в строгий пучок, из которого всегда выбивалась одна прядь — принципиально, как она говорила, «Чтобы клиенты не думали, что я робот». На носу очки в тонкой оправе, которые она

надевала только для встречи с клиентами, чтобы смотреть на этих самых клиентов поверх них с выражением «я все вижу».

Костюм — серый, практичный, жилет поверх легкой рубашки и брюки с карманами, в которых всегда лежали блокнот, карандаш и маленькая фляжка с успокоительным. Успокоительное она не пила, но носила на случай непредвиденных ситуаций, если клиент окажется слишком странным.

Она знала семь языков, три из которых были мертвыми и один язык проклятий, чтобы понимать, когда ее проклинают. Она умела определять по почерку совместимость по анкете, а степень отчаяния по тому, как клиент снимает перчатки. Она никогда не ошибалась, почти никогда.

Данкилл вошел ровно в полдень, как они и договорились. Тень легла на порог раньше него самого — длинная, неестественно черная, она заползла в комнату, как живая, и остановилась у ножки стола. Илонен сделала пометку: «Клиент не контролирует свою тень, возможно это часть образа. Возможно, проблема.»

Сам он был высок, сух, и одет, естественно, во все черное с головы до пят. Воротник поднимался до ушей и закрывал половину лица. Из-за него виднелись только глаза — темные, усталые, с выражением человека, который давно не удивлялся. Плащ волочился по полу, собирая пыль, которую Илонен только что вытерла.

— Садитесь, — сказала я.

Он сел, а кресло скрипнуло и осело на пару сантиметров.

А с виду и не скажешь, что в нем такой вес.

— Значит, Вы хотите, чтобы я нашла Вам невесту, — сказала я, стараясь не смотреть на чучело горгульи, которое он зачем-то принес с собой. Оно смотрело на меня, кажется, осуждающе.

— Жену, — поправил лорд Данкилл. — Невесту это временно, жену — навсегда.

— Отлично! Пара уточнений: «навсегда» — это до конца жизни или до конца проклятия?

Он задумался. Я записала в блокнот: «Клиент не определилися с целями. Работаем над формулировками».

— У меня было семь кандидаток, — продолжил он, — и все сбежали.

— Сбежали — это как? В полночь, через окно, с проклятием вдогонку?

— В том числе. Одна сказала, что я слишком интенсивный, другая, что у меня проблемы с границами. Третья… — он помолчал, — третья написала об этом книгу. Бестселлер «Как выжить в замке злодея». И теперь ко мне приезжают толпы туристов.

Я подняла глаза от блокнота.

— Туристы?

— Экскурсии по вторникам с гидом. — он мрачно посмотрел в окно. — Я хотел их проклясть, но юрист сказал, что это плохо скажется на репутации.

— У Вас есть юрист?

— Есть. Он тоже турист и приезжает по вторникам.

Я записала: «Клиент — небезнадежен, а очень плохо упакован. И у него есть юрист, который приезжает по вторникам».

— Хорошо, — сказала я, — я берусь. Но сначала — разведка. Моя помощница Флора отправится с Вами. Она осмотрит замок, составит опись «красных флагов», проверит, есть ли в подвале что-то, что может испугать кандидатку. И, главное, оценит Ваш… — я сделала паузу, подбирая слово помягче, — …антураж.

— Антураж, — повторил Данкилл.

— Вы появляетесь в клубах дыма?

— Иногда.

— А зачем?

Он задумался. Илонен записала: «Клиент не знает, зачем он появляется в клубах дыма. Работаем над самоосознанием».

— И еще, — сказала я, — Почему Вы не снимаете воротник?

— Это традиция.

— Традиция — это когда за столом сидят. А когда воротник закрывает лицо — это уже маска. Кандидатки должны видеть, за кого они выходят.

— Они увидят. Потом.

— Когда?

— Когда я буду готов.

Илонен записала: «Клиент скрывает лицо. Возможно шрам. Возможно, проклятие. Возможно, просто стесняется. По возможности уточнить, если шрам — вычесть из гонорара. Если стесняется — работать».

Флора вернулась через три дня. Она вошла в комнату боком — сначала сумка, потом пальто, потом она сама, бледная, но с горящими глазами, что было не типично для нее, ведь кожа у нее смуглая. Сумка была набита блокнотами. Пальто пахло сыростью и чем-то еще — чем-то древним, что не выветривается.

— Илонен, — сказала она, снимая перчатки. — Это не замок, а самая настоящая декорация к фильму ужасов.

— Насколько все плохо?

— Настолько, что я не знаю, с чего начать. Там сплошной ред флаг! — Флора села и открыла свой первый блокнот. — Начнем с ворот. Чугунные, высотой в три моих роста, с шипами! На шипах — вороны, не настоящие, но они каркают. Когда я спросила зачем, лорд Данкилл сказал: «Атмосфера».

— Это еще не красный флаг, — сказала я, — это стиль.

— Я тоже так думала, пока не вошла внутрь. — Флора перевернула страницу. — В главном зале нет нормального освещения, только свечи. Свечи, Илонен! В каждом углу. И знаешь, что он сказал? Свет должен быть живым. Я спросила, а если кандидатка споткнется? Он сказал, что это ничего — пол мягкий. Я посмотрела на пол, а там ковер из шкуры чего-то, что еще недавно было живым. Я спросила, что это.

Он сказал: «Подарок от бабушки».

— От бабушки?

— Это еще не все. — Флора перевела дух. — В замке нет нормальной мебели. Есть троны, три штуки, в разных залах. Я спросила зачем три трона, на что он ответил: «Для разных настроений». Я говорю, а кресло? Кресло — это для слабаков.

— А где кандидатка будет спать?

— В спальне для гостей. — Флора сделала паузу. — Она заперта на семь замков.

— На семь?

— На семь. Я, конечно спросила зачем. Он сказал: «На случай, если гостья будет не одна». Илонен, не одна, — это что, намек на привидений?

Илонен записала: «Клиент не понимает разницы между гостеприимством и удержанием. Работаем над терминологией».

— А подвал есть?

Флора побледнела еще сильнее.

— Подвал я не забуду никогда. Он ведет туда сам. Лично. Со свечкой. Ступени каменные, скользкие, и где-то на середине он сказал: «Не смотрите на стены». Я, конечно, посмотрела. Илонен, на стенах портреты, все в черных рамках, все смотрят. Я спросила, кто это. Он сказал: «Родственники». Я спросила — все? Он сказал: «Все, кроме бабушки. Бабушка жива».

— И где бабушка?

— В подвале. — Флора понизила голос. — Она стонет. Я спросила, что это. Он сказал: «Это часть декора». Илонен, декор не стонет!

— А что еще в подвале?

— Еще там есть что-то. Оно шуршит. Я не стала смотреть. Я сваха, а не охотник на нечисть, но я расслышала, как он сказал: «Не волнуйтесь, оно не выходит по ночам». Илонен, «не выходит по ночам» — это не успокаивает! Это значит, что оно выходит днем!

Илонен записала: «В замке есть что-то, что не выходит по ночам. Уточнить, что это. Если это бабушка — оставить. Если что-то другое — вычесть из гонорара».

— И еще, — Флора достала последний блокнот, — кухня. Я спросила, где кандидатка будет готовить? Он сказал: «Готовить?», я говорю: «ну да, еду». Он сказал: «У меня есть пекарня». Я спросила: «Зачем пекарня?». Он ответил: «Для людей. Обычных. Они приходят, покупают хлеб. Я не появляюсь там в дыму. Обычно».

Илонен подняла глаза от блокнота.

— У него есть пекарня?

— Есть. За замком, три года работает. — Флора пожала плечами. — Я не проверяла, но, судя по запаху, хлеб там настоящий.

Я сделала пометку в блокноте: «У клиента есть своя пекарня».

— Ладно, сказала я, — переходим к этапу «тестовые кандидатки».

Первой «подопытной» стала Лира, которая очень хотела замуж и приходила в агентство уже вторую неделю.

Лира была девушкой с волосами такой длины, что их приходилось заказывать в отдельном экипаже. Они вились, струились, блестели и занимали столько места, что в конторе Илонен пришлось отодвинуть стол к стене. Лира вошла боком, потому что в дверь иначе не помещалась.

— Это мои волосы, — сказала она с гордостью, — я ими очень дорожу.

— Похвально, — протянула я, глядя на это рыжее бедствие, — лорд Данкилл — сложный клиент, но перспективный. Главное — не обращай внимание на мрачность. Это часть образа.

— А волосы? — спросила Лира. — Он не будет против, что я не могу их коротко стричь?

— Думаю, нет, — сказала я, — он сам не стригся лет двести.

Лира отправилась в замок. Илонен дала ей с собой блокнот, чтобы та записывала все, что покажется странным.

Первая пробная кандидатка вернулась через день. блокнот был пуст.

— Я ничего не записала, — сказала она, садясь прямо на пол, потому что волосы занимали все кресло, — потому что странное абсолютно все.

— Начни с ворот.

— Ворота чугунные, вороны каркают, я спрашивала зачем и единственное слово, что он сказал: «Атмосфера». Я сказала, что атмосфера — это когда свечи, а когда вороны — это уже зоопарк. Он посмотрел на меня так, как будто я сказала что-то умное, но я не сказала ничего умного. Я просто сказала правду.

— Дальше.

— Дальше зал. Свечи в каждом углу, канделябры в виде рук, я спросила, чьи руки. Он сказал: «Каменные». Но это не ответ. Он все время повторял про атмосферу и декор. Илонен, у него весь замок — это декор. Ковер из шкуры, троны с черепами, портреты, которые смотрят.

— А спальня?

— Спальня заперта на сееемь замков! Даже не хочу об этом говорить! Я конечно же спросила, зачем это нужно и что делать если я захочу выйти, но он сказал, что откроет так как всегда будет рядом! Илонен, это не гостеприимство, а настоящее удержание.

— А он? Как он себя вел?

— Странно. Он все время молчал, а потом выдал, что у меня красивые волосы, но жаль, что они мешаются. Я спросила где они мешаются, а он ответил, что везде и предложил мне их оставлять за дверью! Как зонтик!

— А что ты ответила?

— Я сказала, что это оскорбительно. После он предложил

оставлять их за воротами и ушел в дым, в котором появляется. Зачем он это делает?

— Традиция, — сказала я, думая над этим, -так он объясняет.

— Традиция — это по выходным с семьей за столом собираться, а исчезать в дыму — это уже побег.

— А про бабушку он говорил?

— Говорил. Когда я спрашивала про шкуру на полу, он сказал, что это подарок от бабушки. Я спросила, а где бабушка? Он сказал, что она в подвале, потому что она так хочет. А когда я спросила она этого хочет или он, то он замолчал и снова ушел в дым. Илонен, он замолчал так, как будто я попала в точку. Не знаю зачем он ее там удерживает, но я туда больше не вернусь.

Илонен записала: «Кандидатка № 1 не подходит. Причина: несовместимость по волосам. Клиент не понимает, что длина волос — это личное. Также: клиент использует дым как способ уйти от разговора. Работаем над этим. Отдельно: бабушка в подвале — не подарок. Уточнить, кто кого держит в подвале».

Тяжела конечно работа свахи. Если бы я знала, что этот заказ будет таким, я бы взяла предоплату побольше. Или хотя бы уточнила, что «темный лорд» — это не метафора.

Глава 2. Побег в полночь

Второй была моя подруга Мирра — оборотень.

Мирра пришла в агентство в облике девушки — высокая, с темно-рыжими волосами и глазами, которые на секунду вспыхивали желтым, когда она волновалась.

— Лорд Данкилл — человек настроения, — предупредила ее я, — если он предложит тебе пробежаться по лесу при луне — лучше откажись.

— Почему? — удивилась Мирра.

— Потому что это не свидание, а охота. Разница есть.

Мирра кивнула. Илонен дала ей блокнот для записей и отправила на свидание.

Мирра вернулась через два дня в облике волка и дрожа. Блокнот был изгрызен.

— Он предложил мне пробежаться по лесу при луне! — прорычала она, снова становясь девушкой. — Я сказала нет, потому что я не бегаю по лесу с незнакомыми лордами! А он предложил поужинать. Илонен, он сказал это так, как будто ужин с ним — это отдельная привилегия, которую надо заслужить!

— Что было дальше?

— Я сказала, что мне нужно подумать об этом дома, а он попытался удержать меня в замке, мол лучше я тут у него подумаю. Конечно он прав, ведь мой дом находится далеко

от леса, но это не значит, что я должна бегать по его лесу.

— А замок? Что ты видела?

— Ворота, вороны, свечи, ковер из шкуры от бабушки, которую он зачем-то держит в подвале. Это не нормально! Ни одна бабушка не хочет в подвал! Ты как считаешь?

— Не уверена, но надо проверить.

— Дальше. Он показал мне спальню с семью замками, и объяснил это тем, что на случай если я буду не одна, а с луной. Илонен, я оборотень. Я знаю, что такое луна, но я не сплю с ней в одной комнате!

— А лес? Что было в лесу?

— Лес был… странный. Деревья мертвые и все черные, сорок семь, я считала, но, когда я подошла к одному, оно… — Мирра запнулась, — оно дышало. Не знаю, как это объяснить. Мертвое дерево дышало. Он сказал, что это не деревья, а то что осталось от леса. Я настаивала на подробностях, но он прошептал что это долгая история и исчез в дыму.

Илонен записала: «Мертвые деревья дышат. Уточнить прокляты или просто притворяются. Если прокляты — узнать, кто проклял».

— А он? Как он себя вел? — продолжила я опрос кандидатки.

— Он все время молчал, а потом сказал, что у меня красивые глаза, только жаль, что они желтые как у волка. Но я и есть волк! То есть получается, он сказал, что я проблема!

— А ты что ответила?

— Я сказала, что проблема — это когда бабушка в подвале, а желтые глаза — это особенность. Он задумался и ответил: «Хорошо, тогда за воротами». Ну вот после этого я и сбежала! Прямо через окно. А он еще кричал вдогонку, есть ли у меня его номер. Зачем мне его номер, если он меня напугал?

— А про тень в подвале он говорил?

— Говорил, когда я спросила что там шуршит в углу, он невозмутимо ответил, что это дед. На мой вопрос жив ли дед, последовал загадочный ответ, что с дедом все сложно. Оказалось, что по ночам он не выходит потому что спит, а днем он тоже спит. Но самое интересное заключалось в том, что именно в этот момент дед начал просыпаться. Дальше я решила не испытывать судьбу, не стала выяснять подробности и знакомиться с родственниками, а тем более разбираться в семейных тайнах. Просто обратилась в волка и сбежала. В конце концов, я искала романтическое приключение, а не встречу с дедушкой, который просыпается в углу. Чувствую с меня хватит этих приключений!

Илонен записала: «В подвале также есть дед в виде тени. Шуршит, просыпается днем. Уточнить, можно ли упокоить? Отдельно: Мирра записала что-то в блокнот?».

— Да, — Мирра взглянула на мои записи и протянула изгрызенный блокнот, — я записала, пока бежала. Вот. — она протянула мне страницу, на которой было написано «В замке есть что-то еще. Оно шуршит, не выходит по ночам, но

выходит днем. Я видела, оно тоже смотрело на меня. Может быть оно тоже хочет невесту? Но зачем?».

Илонен перечитала несколько раз и записала уже в свой блокнот: «В замке есть нечто, что тоже хочет невесту. Уточнить, что это. Бабушку не учитываем».

Глава 3. Бесстрашная некромантка или записки Виены

Третьей кандидаткой была Виена, некромантка. Виена пришла ко мне сама. Молодая, бледная, с белыми волосами, не вяжущимися с ее образом, с глазами, напоминающими кошачьи, которые смотрели как бы сквозь собеседника, и руками, которые, казалось, всегда были ледяными.

— Мне сказали, Вы ищете невесту для темного лорда. Я подхожу, потому что умею говорить с мертвыми.

— Не невесту, а жену. А с живыми говорить умеете? — поинтересовалась я.

Виена задумалась.

— Иногда.

— Хорошо, тогда попробуем.

Виена отправилась в замок на следующий день, я предусмотрительно дала ей блокнот для записей. Вернулась она через неделю. Блокнот был заполнен — каждая страница мелким аккуратным почерком. Она молча села в кресло и протянула мне блокнот. Это были самые подробные записи из всех.

Я начала читать.

«*Дневник Виены, некромантки. Запись первая. День первый.*

Меня зовут Виена. Я некромантка. Это не профессия — это состояние души. Как насморк, только с мертвыми. Я пришла к Илонен сама, потому что слышала, что она ищет невесту для темного лорда. Я подхожу. Я умею говорить с мертвыми и даже закончила местную академию. Иногда разговариваю и с живыми, если они не задают слишком много вопросов.

Она дала мне блокнот. Сказала: «Записывай все, что покажется странным». Я записываю все. Потому что странным кажется все.

Ворота.

Чугунные. Высотой в три с половиной моих роста. С шипами. На шипах сидят вороны. Не настоящие. Но они каркают. Когда я подошла, они замолчали. Все, кроме одной, той, что сидела на самом длинном шипе. Она повернула голову и посмотрела на меня. Глаза у нее были стеклянные. Но они смотрели. Я помахала ей рукой. Она не моргнула. Я тоже. Мы поняли друг друга.

За воротами – дорога и лес. Мертвые деревья. Кажется, что их немного, но я не стала считать. Это не дело для некроманта. Все деревья черные, сухие, с ветвями, которые тянулись к небу, как пальцы. Когда я проходила мимо одного, оно дышало. Я остановилась. Послушала. Оно дышало. Мертвое дерево. Дерево дышит. Если ртом, то странно. Если чем-то другим, еще страннее. Я прислушалась к дереву, но не почувствовала ничего другого, хотя если бы там была

заточена душа, я бы услышала отголосок.

Зал.

Свечи в каждом углу. В канделябрах, которые держат каменные руки. Я посмотрела на руки. Серые, с длинными пальцами. Ногти обломаны. Как будто кто-то пытался вырваться. Я посмотрела на ногти внимательнее. На одном каменный заусенец. Если это декор, то это странный декор. Если это не декор — я не хочу знать, что это».

Потолок теряется в темноте. Я посмотрела вверх. Там гнезда. Птичьи. Или не птичьи. Я не стала уточнять. Я некромантка, а не орнитолог. Но одно гнездо шевельнулось. Я сделала вид, что не заметила. Гнездо сделало вид, что не шевелилось. Мы поняли друг друга.

Троны. Три штуки. В разных концах зала. Высокие, с подлокотниками в виде черепов. Я подошла к одному. Череп посмотрел на меня. Я посмотрела на череп. Он не моргнул. Я тоже.

Коридор.

Длинный, темный. Портреты на стенах. Все в черных рамках. Все смотрят. Я насчитала двенадцать. На последнем — старуха с длинным носом и глазами, которые были закрыты. Но я чувствовала, что она не спит. Я помахала ей рукой. Она не ответила. Но я знала, что она видит.

Спальня для гостей.

Дверь заперта на семь замков. Я пересчитала. Семь. Замки разные. Один железный. Один медный. Один костяной.

Другие непонятные. Я посмотрела на костяной. Он посмотрел на меня.

Данкилл сказал:

— На случай, если гостья будет не одна.

— С кем? — спросила я.

— С привидениями.

— У вас есть привидения?

— Есть. Но они не выходят по ночам.

— Тогда можно с ними поговорить днем? Я смогу их упокоить.

— Нельзя.

Лорд Данкилл разозлился, когда я предложила упокоить привидения, но ведь это моя работа. После ушел в туман. Странный он.

Подвал.

Ступени каменные, скользкие. Я шла за Данкиллом. Он держал свечу. Свеча горела ровно. Слишком ровно. Возможно какая-то магия. Но мне это не интересно.

На середине лестницы он сказал:

— Не смотрите на стены.

Я, именно тогда и посмотрела. Портреты. Все в черных рамках. Все смотрят. Я насчитала двенадцать. На последнем опять старуха с длинным носом и глазами, которые были закрыты. Та же, что наверху. Но здесь она выглядела старше. И глаза были не просто закрыты. Они были зашиты. Я посмотрела внимательнее. Нити были черные. Я

спросила у лорда Данкилла кто это, но он не ответил.

В подвале пахло сыростью и чем-то еще. Я вдохнула. Пахло как в склепе. Но не как в хорошем склепе. Как в склепе, где забыли закрыть дверь, кто-то оставил еду, и эта еда начала ходить.

В углу что-то шуршало. Я посмотрела. Тень. Большая. Слишком большая для тени.

Данкилл сказал:

— Это не выходит по ночам.

— А днем?

— Днем оно спит.

— А сейчас?

— Сейчас оно просыпается.

Тень шевельнулась. Я сделала шаг назад. Тень сделала шаг вперед.

— Это дед, — сказал Данкилл.

— Дед живой?

— Дед — это сложно.

— Насколько сложно?

— Он не выходит по ночам. Но вы можете поговорить.

— Вы уже говорили.

Я посмотрела на тень. Тень посмотрела на меня. У тени были глаза, но у тени не должно быть глаз. Но они были. Они были живые.

Я попробовала с ним поговорить. Я некромантка. Я умею говорить с мертвыми. Но дед не был мертвым. Он был чем-

то средним. Чем-то, что застряло между. Я чувствовала это как чувствуешь сквозняк в комнате, где закрыты все окна. Он одновременно был здесь и его здесь не было. Такое я почувствовала впервые в своей жизни.

Я спросила:

— Кто вас держит здесь?

Он не ответил.

— Данкилл?

Я подошла ближе, тень не отступила и это уже было странно. Обычно все, кто не относится к этому миру, отступают, когда некромантка подходит. Они знают, что мы можем сделать, но дед не отступил. Он ждал.

Я села на пол напротив тени. В подвале было холодно. Каменные ступени, каменные стены, каменные руки в канделябрах, все каменное, кроме этой тени. Тень была мягкой, как будто кто-то взял тьму и вырезал из нее силуэт человека. Старого, сгорбленного, с несуразно длинными руками и большой головой.

Я смотрела на него, а он на меня. Данкилл стоял в стороне молча смотря на нас. Глаза тени были не черные как мне показалось в первый момент, а серые как пепел. Как будто кто-то взял огонь и потушил его, но огонь остался, просто стал пеплом.

Я снова попыталась заговорить:

— Меня зовут Виена, я некромантка.

Он не ответил, но тень шевельнула головой, изображая

кивок.

— Я пришла поговорить, Вы не против?

Он также молча стоял и смотрел. Я решила, что не против.

— Кто Вас здесь держит?

Тень дернулась в сторону, как будто что-то охраняя. Но в подвале было темно и я ничего не увидела.

— Это Данкилл?

Тень дернулась снова, но сильнее.

— Вы можете говорить?

Тень молчала, но я чувствовала, что она пытается. Как будто слова были внутри, но не могли выйти. Тогда я протянула руку, тень снова дернулась, но потом посмотрела на меня и на мою руку. И медленно, очень медленно, коснулась ее.

Ее вытянутая рука была очень холодной, холоднее моей, словно камень. Как что-то, что никогда не было живым. Но она была живой когда-то.

И тогда я услышала, не ушами, а как будто кто-то говорил шепотом в моей голове. Голос был странный и очень старый, усталый. Настолько усталый, что я подумала, что ему больше тысячи лет.

— Не… надо… — сказала тень.

— Что не надо?

— Не… надо… — повторила тень.

— Я не понимаю.

— Не… надо… смотреть.

— На что?

— На… нее.

— На кого? На бабушку?

Тень дернулась так сильно, как будто я сказала что-то, что нельзя говорить.

— Она… не… спит, — сказала тень.

— Я знаю, потому что чувствую.

— Она… ждет…

— Чего?

Тень долго молчала, а я ждала не отрывая руки. Я некромантка и ждать умею. Мертвые не торопятся, и те, кто застрял между тоже, им уже некуда торопиться.

— Тебя, — сказала тень.

Я посмотрела на бабушку, она сидела в углу. Старая. Очень старая. С длинным носом и глазами, которые были закрыты. Но она не спала. Я чувствовала. Она стонала. Тихо. Как будто пыталась что-то сказать. Но не могла. Если «помогите» — я помогаю. Если «оставьте меня в покое» — я оставляю.

— Почему меня? — спросила я.

— Ты… можешь… — сказала тень.

— Что могу?

— Услышать.

Я посмотрела на него, а он посмотрел на меня. И что-то было в его глазах. Что-то напоминающее огонь, бушевавший

очень и очень давно.

— Вы можете рассказать, что здесь случилось?

Тень долго молчала и потом тихо ответила:

— Он… не… знает… что… он… сделал.

— Кто?

— Данкилл.

— Вы можете сказать мне?

— Не… сейчас… когда… он… будет… готов…

— А когда он будет готов?

— Когда… ты… останешься.

Я посмотрела на него и поняла, что он не держал меня, не пугал, он просил. Старый, усталый, застрявших между мирами, он просил, чтобы кто-то остался. Кто-то, кто может услышать, может понять.

Тогда мне захотелось остаться. И я сказала:

— Я останусь. На время.

Тень медленно кивнула, как будто это было очень трудно. Как будто каждое движение было как шаг по битому стеклу голыми ногами.

— Спасибо… — ответила тень, словно немного растворяясь.

Я повернулась к бабушке и тихо подошла к ней. Глаза ее были закрыты, но она не спала. Я чувствовала. Она стонала очень тихо, чтобы никто не слышал. Мне захотелось поговорить и с ней тоже.

Я села рядом и тихо сказала:

— Бабушка, меня зовут Виена, я некромантка и могу вам помочь.

Она не ответила, но стон стал тише, как будто она слушала.

— Вы можете говорить?

Она чуть повернулась и ответила. Так тихо, словно говоришь через стену.

— Могу.

— Почему вы стонете?

— Не могу иначе.

— Вас держат здесь?

— Нет.

— Тогда почему вы здесь?

— Потому что должна.

— Данкиллу?

— Нет, не ему… — она долго молчала, — тому, что наверху.

— Что наверху?

— Гнезда.

— Что в гнездах?

— То, что ждет.

— Чего?

— Тебя.

Я посмотрела на нее, ее глаза были закрыты, но она тоже смотрела. Тогда я поняла, что она не заперта. Она была на страже. Они с дедом оба охраняли что-то или кого-то.

И это что-то ждало меня. Я не хочу знать, что это, но кажется я уже влезла дальше, чем следовало.

— Бабушка, — сказала я, — я могу вас упокоить, если хотите.

— Не надо, — сказала она, — я не хочу спать. Потому что, когда я засну он придет.

Тут Данкилл резко сказал:

— Она хочет есть. Нам пора.

— Что она ест?

— Проклятые кактусы.

Я посмотрела на кактусы. Они стояли рядом с бабушкой. Все проклятые. Все с колючками. Один кактус посмотрел на меня. Я посмотрела на кактус. Он не моргнул. Я тоже.

— Это мило.

— Они не милые. Они проклятые.

— Это тоже мило.

Он посмотрел на меня как на сумасшедшую.

Пекарня.

Маленькая. Красная крыша. Вывеска «Хлеб». Настоящая. Не проклятая. Из трубы шел дым — обычный, серый, пахнущий хлебом. Я остановилась и вдохнула. Пахло как в детстве. Как будто кто-то открыл дверь в комнату, где всегда тепло.

Мы вошли. Внутри пахло так, что я на секунду забыла, что я некромантка. Теплый свет. Деревянные полки. Корзины с хлебом. За прилавком женщина в фартуке. Она улыб-

нулась Данкиллу и сказала:

— Сегодня с маком. Ваш любимый.

— Спасибо, — сказал он. И это было первое слово, которое я услышала от него без «декора» и «атмосферы».

Мы сели у окна. Данкилл взял булку с маком. Я — с корицей.

— У вас красивые руки, — сказал Данкилл.

Я посмотрела на руки. Руки как руки, правда слишком бледные, но я же некромант. Они были холодные. Всегда. Я сказала:

— Они холодные.

— Я заметил.

— Это потому, что я некромантка.

— Это потому, что вы не носите перчатки.

— Я ношу перчатки.

— Тогда почему они холодные?

— Я некромантка.

— Это не ответ.

— Это ответ.

— Это не тот ответ, который я хотел.

Лорд Данкилл не понимает, что некромантка — это не профессия, это состояние.

Тень.

Она шуршала всю ночь. Я не спала. Я некромантка. Я не сплю. Я слушаю. Тень шуршала. Бабушка стонала. Дед молчал. Кактусы смотрели. Портреты смотрели. Вороны

каркали. Деревья дышали. Гнезда шевелились. Замок жил своей жизнью.

Дневник Виены, некромантки. Запись последняя. День седьмой.

Я ухожу. Я некромантка, а не героиня. Но я записала все. Потому что кто-то должен это записать.».

Я закончила читать и посмотрела на Виену. Она сидела немного задумчивая, потом взглянула на меня и сказала:

— Илонен, если вы пойдете туда сами — возьмите с собой блокнот. И перчатки. И, может быть, что-то, чем можно заткнуть уши. Потому что тень шуршит. А бабушка стонет. А он молчит. И это самое страшное. Еще я не записала одну вещь, потому что это не про замок. Это про меня. Когда я уходила, Данкилл стоял у ворот. В дыму. И смотрел мне вслед. И я подумала: «А ведь он не плохой. Он просто не знает, как быть чем-то другим». Но я не стала это записывать. Потому что я некромантка. А некромантки не записывают такие вещи. Они записывают только то, что можно проверить. А это проверить нельзя.

— Дело становится все запутаннее, — я почесала затылок и посмотрела в потолок, — и вот что мне с ним делать?

Я проводила Виену и подошла к Флоре.

— Значит так, я иду сама. Завтра проведу собственный аудит этого загадочного клиента. Пожалуйста, позвони лорду Данкиллу и предупреди его, чтобы завтра организовал мне свидание.

Глава 4. Аудит

Илонен пришла к замку ровно в десять утра. Она специально выбрала это время- не слишком рано, чтобы не казаться нетерпеливой, и не слишком поздно, чтобы не казаться отчаявшейся. Профессиональный подход требовал баланса. Она надела лучшее платье — темно алое, практичное, с карманами, потому что блокнот должен быть под рукой. Волосы собрала в пучок, но оставила одну прядь — принципиально. И взяла с собой фляжку с успокоительным. На всякий случай.

Замок Данкилла стоял на холме, и дорога к замку вилась между мертвыми деревьями. Илонен не стала их считать. Она уже слышала про сорок семь. И про то, что они дышат. Она решила, что, если дерево задышит, она просто пройдет мимо. Она сваха, а не садовник.

Ворота были открыты. Это уже было странно. Обычно темные лорды держат ворота закрытыми — для атмосферы. Но Данкилл, видимо, решил, что открытые ворота — это гостеприимство. Илонен хотела записать это в блокнот, но не стала. Она решила, что сегодня будет смотреть, а не писать. Записывать она будет потом. Если доживет.

Данкилл ждал ее у входа. Без дыма. Это был прогресс. Он стоял, прислонившись к стене, и смотрел на дорогу. Воротник был на месте — до ушей. Плащ волочился по полу, со-

бирая пыль с дорожки, ведущей ко входу в замок. Илонен вздохнула.

— Вы опять в воротнике.

— Это традиция.

— Мы договаривались без традиций.

— Я не договаривался. Я сказал «хорошо».

— «Хорошо» — это согласие.

— «Хорошо» — это «я подумаю».

Илонен посмотрела на него. Долго. Он не моргнул, и она тяжело вздохнула.

— Ладно, — сказала она. — Начнем наше свидание.

— Конечно.

— С чего начнем?

— С экскурсии.

— Вы просто собирались показать мне замок?

— Собирался.

— Тогда показывайте. И, пожалуйста, без «атмосферы». Просто покажите. Как есть.

Данкилл кивнул и открыл дверь. Илонен вошла. И сразу поняла, что «как есть» — это не то, что она хотела увидеть.

Главный зал был огромен. Сводчатый потолок терялся в темноте. Свечи стояли в каждом углу, в канделябрах, которые держали каменные руки. Илонен посмотрела на руки. Они как она уже знала были каменные. На одном был заусенец. Каменный.

— Это декор? — спросила она.

— Это традиция, — сказал Данкилл, проследив за ее взглядом, — свет должен быть живым.

— Когда каменные руки держат свечи — это не традиция, а уже мебель для пыток. Свет должен быть безопасным, — отметила я, — кандидатка споткнется о ковер, и что тогда?

— Пол мягкий.

— Пол — это шкура чего-то, что еще недавно было живым. Кандидатка не должна думать об этом, когда падает.

Данкилл ничего не ответил. Но каменные руки, кажется, смутились.

Троны стояли в разных концах зала. Три штуки. Высокие, с подлокотниками в виде черепов. Илонен подошла к одному. Этот трон был темно-серый, два других полностью черные.

— Зачем три? — спросила она.

— Для разных настроений.

— А кресло?

— Кресло — для слабаков.

— Данкилл, — сказала Илонен. — Вы темный лорд. Я сваха. Мы оба знаем, что кресло — это не для слабаков. Кресло — это для людей, у которых есть спина. У вас есть спина?

— Есть.

— Тогда кресло.

Он задумался. Илонен поняла, что он действительно задумался. Не притворялся. Просто ему никогда не приходило в голову, что кресло — это не слабость.

— Хорошо, — сказал он. — Будет кресло.

Илонен кивнула. Первая победа. Маленькая. Но победа.

Они пошли дальше. Коридор был длинный, темный, с портретами на стенах. Все в черных рамках. Все смотрят. Илонен насчитала двенадцать.

— Кто это? — спросила она.

— Бабушка. В молодости.

— А сейчас?

— В подвале.

— А эти? — Илонен показала на остальные.

— Родственники.

— Все?

— Все, кроме бабушки. Бабушка жива.

Она не стала уточнять, кто из них живой, а кто нет. Она сваха, а не патологоанатом.

— А это что? — она показала на дверь в конце коридора.

— Спальня для гостей.

— Можно?

— Можно.

Дверь была заперта на семь замков. Илонен пересчитала.

— Зачем семь? — спросила она.

— На случай, если гостья будет не одна.

— С кем?

— С привидениями.

— У вас есть привидения?

— Есть. Но они не выходят по ночам.

— А днем?

— Днем они спят.

— А сейчас?

— Сейчас они просыпаются.

Илонен посмотрела на дверь и решила, что не будет уточнять, что происходит за ней. Она сваха, а не охотник на нечисть.

— Хорошо, — сказала она. — Спальня для гостей. Семь замков. Привидения. Понятно. Что дальше?

— Дальше — моя спальня.

Спальня Данкилла была на втором этаже. Дверь была обычная. Без замков. Без черепов. Без каменных рук. Илонен уже приготовилась к худшему. Но когда он открыл дверь, она остановилась.

Внутри было… нормально.

Кровать. Большая, деревянная, с балдахином. Но балдахин был не черный. Он был темно-синий. Как ночное небо. На стенах — не портреты. Гобелены. С вышивкой. Илонен присмотрелась. На гобеленах были цветы: ромашки, подсолнухи, васильки. Она посмотрела на Данкилла. Он смотрел в сторону.

— Это ваша спальня? — спросила она.

— Да.

— Здесь цветы.

— Это традиция.

— Когда в спальне темного лорда висят ромашки — это

уже что-то другое.

— Это подарок.

— От кого?

— От бабушки.

Илонен посмотрела на гобелены. Потом на Данкилла. Потом снова на гобелены.

— Бабушка вышивает?

— Вышивала. Раньше.

— А сейчас?

— Сейчас она стонет.

Илонен не стала уточнять, как бабушка перешла от вышивания к стонам. Она сваха, а не биограф. Но она заметила, что кровать была заправлена. Аккуратно. Как будто кто-то старался. Как будто кто-то хотел, чтобы было красиво. Как будто кто-то ждал гостей.

— А это что? — она показала на стол у окна.

— Стол.

— А на столе?

— Книги.

Илонен подошла. Книги были не про проклятия. Не про темную магию. Не про ритуалы. Это были романы. Любовные. С обложками, на которых дамы в платьях падали в объятия мужчин в камзолах. Илонен взяла одну. Открыла. На первой странице было написано: «Посвящается всем, кто ждет». Она посмотрела на Данкилла. Он смотрел в окно.

— Вы читаете любовные романы?

— Это традиция.

— Данкилл, это не традиция. Это хобби. Вам нужно научиться отделять эти понятия.

— Это не хобби. Это исследование.

— Исследование чего?

— Как это делается.

— Что делается?

— Все это. Свидания. Ухаживания. Разговоры. Я читаю. Я пытаюсь понять. Но у меня не получается.

Илонен положила книгу обратно. Она хотела что-то сказать. Что-то профессиональное. Что-то вроде «мы это исправим». Но она не сказала. Потому что впервые за все время ей показалось, что Данкилл не притворяется. Он действительно не знал, как это делается. Он читал романы. Он вышивал с бабушкой гобелены с ромашками. Он заправлял кровать. И он ждал. Кого-то, кто придет и скажет, что все нормально.

— Ладно, — сказала она. — Это мы тоже исправим.

— Что исправим?

— Все. Но сначала — зона отдыха.

— Зона отдыха?

— У вас есть зона отдыха?

— Есть.

— Показывайте.

Зона отдыха была на третьем этаже. Илонен ожидала увидеть что-то вроде тронного зала с черепами. Или комнату с проклятыми кактусами. Но когда Данкилл открыл дверь, она

увидела… стул. Один. Обычный. Деревянный. С подушкой. Рядом кофейный столик. На столике — чашка. Чайная. С блюдцем. И чайник. Обычный. Не проклятый. Не с черепами. Просто чайник.

— Это ваша зона отдыха? — спросила Илонен.

— Да.

— Здесь один стул.

— Я один.

— А если гостья?

— Гостья может сесть на пол.

Илонен посмотрела на него как на умственно отсталого. Долго. Он не моргнул и даже не смутился.

— Данкилл, — сказала она. — Вы понимаете, что это не зона отдыха? Это стул с чаем.

— Это кресло.

— Это стул. У него нет подлокотников. У него нет мягкой спинки. У него нет ничего, что делает кресло креслом. Это стул. С подушкой. И чаем.

— Подушка мягкая.

— Подушка не делает стул креслом.

— А что делает?

— Кресло делает креслом то, что в нем можно отдыхать. А здесь нельзя отдыхать. Здесь можно сидеть и пить чай. В одиночестве. Как в приемной у стоматолога.

Данкилл задумался. И Илонен поняла, что ему никогда не приходило в голову, что зона отдыха — это не стул с чаем.

Это что-то большее.

— Хорошо, — сказал он. — Будет кресло. Второе.

— И стол. Нормальный. Не столик.

— Хорошо.

— И, может быть, свечи. Не в каменных руках. Просто свечи. В подсвечниках. А еще цветы. Комната большая, но пустая.

— Хорошо.

— И, может быть, картины. Не портреты. Просто картины. С пейзажами. Как гобелены. Только картины.

— Хорошо.

Илонен посмотрела на него. Он стоял и кивал. Как будто запоминал. Как будто хотел запомнить. Как будто это было важно. Не для нее. Для него. Для кого-то, кто придет. И скажет, что все нормально.

— Данкилл, — сказала она. — Вы понимаете, что вы делаете?

— Что?

— Вы не организуете свидания. Вы показываете замок. Это не свидание. Это экскурсия. Для туристов. Которые приезжают по вторникам.

— А что такое свидание?

Илонен вздохнула. Она достала блокнот. Но не стала открывать. Она просто держала его в руках. Как спасательный круг.

— Свидание — это когда вы не показываете замок. Сви-

дание — это когда вы показываете себя.

— Себя?

— Да. Не бабушку. Не деда. Не тень. Не портреты. Не кактусы. Себя. Того, кто читает любовные романы. Того, кто вышивает ромашки. Того, кто заправляет кровать. Того, кто пьет чай в одиночестве и ждет, что кто-то придет.

Данкилл долго молчал. И Илонен ждала, профессия обязывает ее уметь ждать.

— Я не знаю, как это, — сказал он наконец, — показывать себя.

— Я знаю, — сказала Илонен. — Поэтому я здесь.

Он посмотрел на нее впервые за все время — не в сторону, не в окно, не в пол, а именно на нее.

— Сегодня, — сказала она. — В шесть вечера. В пекарне. Это будет не экскурсия. Это будет свидание. Настоящее. С собой. Без замка. Без бабушки. Без тени. Только вы. И хлеб.

— А вы?

— А я буду кандидаткой. Профессиональный интерес. Я хочу увидеть, как вы ведете себя с человеком. Не с гостьей. Не с туристкой. С человеком.

— Хорошо, — сказал он. — Сегодня. В шесть. В пекарне.

Илонен кивнула. Она вышла из замка. Вороны молчали. Деревья не дышали. Или она просто не слушала. Она шла по дороге и думала, что, возможно, впервые за всю практику у нее появился клиент, которого не нужно исправлять. Просто нужно понять и помочь ему осознать себя.

Вечером Илонен пришла в пекарню ровно без пяти шесть. Она специально пришла на пять минут раньше, чтобы успеть занять позицию. Сваха должна видеть, как клиент входит, как он смотрит, как он здоровается, как он садится. Это все — информация, данные, которые она потом запишет в блокнот. Или не запишет, но запомнит.

Данкилл опоздал на семь минут.

Илонен уже сидела за столом у окна, с чашкой чая и блокнотом. Она специально села так, чтобы вечерний свет падал на ее лицо, чтобы он видел, что она не шутит. И чтобы он не мог спрятаться в тени. Тени в пекарне не было и это было преимуществом.

Он вошел. Воротник был на месте — до ушей. Плащ волочился по полу, собирая муку, которую кто-то только что рассыпал. Женщина в фартуке за прилавком посмотрела на него и сказала:

— Сегодня с маком. Ваш любимый.

— Спасибо, — сказал он и сел напротив Илонен.

Он ничего не сказал. Просто сел и смотрел. Илонен ждала. Она ждала, пока он скажет хоть что-нибудь. Что угодно. «Здравствуйте». «Как дела». «Спасибо, что пришли». Что-нибудь.

Он молчал.

— Данкилл, — не выдержала она. — Вы опоздали.

— На семь минут.

— Вы считали на сколько опаздываете?

— Я всегда считаю. Это традиция.

— Это неуважение, а не традиция.

— Я не хотел неуважения. Я просто шел.

— Пешком?

— Пешком.

— Хорошо. Это прогресс. Вы не появились в дыму.

— Дым был бы быстрее.

— Дым был бы хуже.

Он кивнул и снова замолчал, а Илонен ждала. Он смотрел в окно на улицу, на которой ничего не происходило. Это было самое интересное, что он мог найти.

— Данкилл, — не выдержала она. — Расскажите мне о себе.

— Что рассказать?

— Что-нибудь. Что вы любите. Что вы не любите. Чего вы боитесь. О чем вы мечтаете. Что угодно.

Он задумался. Илонен успела допить чай и налить еще, съесть половину булки с корицей, посмотреть на дверь, посмотреть на женщину за прилавком. Она была милой крупной женщиной средних лет. А после перевела взгляд на потолок и посчитала трещины, их было семь.

— Я люблю хлеб, — сказал он наконец.

— Хлеб?

— С маком.

— Это все?

— Еще с корицей.

— А что вы не любите?

— Дым.

— Вы сами появляетесь в дыму.

— Это традиция.

— Вы не любите дым, но появляетесь в дыму. Почему?

— Потому что так делают темные лорды.

— А вы хотите быть темным лордом?

Он задумался. Опять. Илонен успела посмотреть на часы, прошло три минуты.

— Не знаю, — сказал он.

— Что значит «не знаю»?

— Значит, что я не думал об этом.

— А о чем вы думали?

— О хлебе.

Илонен закрыла глаза на секунду, просто чтобы не видеть его лицо. Потом открыла, лицо было на месте. Воротник тоже.

— Данкилл, — сказала она. — Вы понимаете, что это свидание?

— Понимаю.

— Тогда почему вы ведете себя как на собеседовании?

— А как надо вести себя на свидании?

— Не знаю. Но точно не так.

Она взяла булку с корицей и откусила больше для того, чтобы что-то делать, а он взял булку с маком и тоже откусил. Они жевали молча. Как два человека, которые не знают,

что сказать, вот только один из них был свахой, а другой — темным лордом. И сваха то знала, что сказать, но молчала, потому что хотела, чтобы он сказал первым.

Он не сказал.

— Хорошо, — сказала Илонен. — Начнем с простого. Где вы родились?

— В замке.

— В каком?

— В этом.

— Вы родились в этом замке?

— Да.

— И жили здесь всю жизнь?

— Да.

— И никуда не выезжали?

— Выезжал.

— Куда?

— На курсы магов.

Илонен подняла бровь. Это было что-то новое. За все время, что она знала Данкилла, он ни разу не упоминал, что куда-то выезжал. Она отложила булку.

— На курсы магов? — переспросила она. — Когда?

— Давно. Лет двести назад, может, больше. Я был маленьким.

— И как это было?

— Я не помню.

— Совсем?

— Помню, что бабушка отправила меня к местному человеку. Он называл себя магом. Он учил меня делать фокусы с картами. И исчезать в дыму.

— Так вот откуда дым, подозреваю, что он был обычным шарлатаном.

— Да, но это не фокус, а традиция. Тот маг хоть и был человеком, но про темных магов знал много.

— А чему еще он вас учил? — спросила она из любопытства.

— Исчезать, появляться, молчать. Он говорил, что темный лорд должен уметь молчать и я научился. Это было легко.

— А бабушка? Она знала, что он шарлатан?

— Не знаю, она хотела, чтобы я научился справляться с силой и защищать замок.

Илонен молчала и смотрела на него. Он опять смотрел в окно, за которым все еще ничего не происходило. Но теперь она знала, что он видит не улицу. Он видит курсы магов и бабушку, которая платила за фокусы, потому что хотела, чтобы он хоть чему-то научился радоваться.

— Ладно, — сказала она. — Это уже что-то. Это первый настоящий ответ за весь вечер. Даже если это было двести лет назад. Даже если это был шарлатан. Даже если это были фокусы с картами. Это что-то.

Он кивнул и замолчал. Опять. Илонен вздохнула, налила себе еще чаю и посмотрела на него. Он все также смотрел в

окно, но смотрел так, как будто там было что-то важное.

— Данкилл, — сказала она. — Что вы делаете, когда вам грустно?

— Я иду в пекарню.

— И?

— Пеку хлеб.

— Хлеб?

— Да.

— И это помогает?

— Нет. Но хлеб получается хороший.

— А когда вам страшно? — спросила она.

— Мне не бывает страшно.

— Всем бывает страшно.

— Темным лордам не бывает страшно.

— Это кто сказал?

— Маг. Он говорил, что темный лорд не должен бояться. Он говорил, что страх — это для слабаков.

— А вы боитесь?

— Боюсь, — сказал он наконец. — Но не того, чего боятся все.

— А чего?

— Что кто-то придет. И останется. И увидит все. И уйдет.

— Данкилл, — наконец сказала она, немного помолчав. — Если кто-то придет и увидит все, он не обязательно уйдет.

— Все уходят.

— Не все.

— Все, кроме бабушки.

— Бабушка в подвале. Это не считается.

Он не улыбнулся, но что-то в его лице изменилось. На миллиметр. И Илонен заметила, так как всегда замечала.

— Ладно, — сказала она. — Вернемся к свиданию. Что вы обычно делаете на втором свидании?

— У меня не было второго свидания.

— Совсем?

— Совсем.

— Неудивительно, ведь мои три кандидатки убежали от тебя, хотя я ставила на Виену. Она бы тебе подошла. Темный лорд и некромантка могли бы натворить столько интересного.

— Первые десять свиданий закончились одинаково. Девушки уходили через окно, через дверь или через ворота. Одна даже ушла через подвал, правда не знаю как она это сделала. Но она это сделала.

— И на всех этих свиданиях? — спросила она.

— Я показывал замок.

— И все?

— И все.

— Вы не спрашивали, как у них дела?

— Спрашивал.

— И что они отвечали?

— Нормально.

— А что вы говорили после того, как они говорили «нор-

мально»?

— Ничего. Я ждал, что они скажут что-то еще.

— И они говорили?

— Нет. Они уходили.

Илонен закрыла блокнот. Она не стала записывать. Она просто посмотрела на него. Долго. Он смотрел в окно. За окном все еще ничего не происходило. Но теперь он смотрел не так, как раньше. Как будто ждал, что что-то произойдет. Что-то, что не произойдет. Потому что он не знал, как это сделать.

— Данкилл, — сказала она. — Вы знаете, что такое свидание?

— Это когда показывают замок.

— Нет. Это когда показывают себя. А вы не показываете себя, вы показываете замок, бабушку, деда, тень, кактусы. Все, что угодно, кроме себя.

— Я не знаю, как показывать себя.

— Я знаю и поэтому я здесь, но вы должны помочь. Вы должны рассказать мне что-то настоящее. Не традицию, не атмосферу, не хлеб с маком. Что-то, что вы никогда никому не рассказывали.

Он опять надолго замолчал и уставился в окно. Это было невыносимо, ей хотелось встать и уйти, но оплаченные деньги нужно отработать. Даже когда хотелось взять его за плечи и встряхнуть, она ждала.

— Я не умею, — сказал он наконец. — Я не умею расска-

зывать. Я умею молчать. Это традиция.

— Это не традиция, а привычка.

— Одно и то же.

— Нет. Вы привыкли быть один и не знаете, как быть не один.

— Вы правы, — сказал он. — Я не знаю.

— Хорошо, — сказала Илонен. — это уже что-то. Это первый настоящий ответ за весь вечер, и я просто обязана записать его, потому что это важно. Вы не знаете, но это не значит, что вы не можете узнать. Мы научим тебя преподносить первое свидание красиво без замков и дыма.

— Мы?

— Именно! Завтра же начнем практику. Вы и я, потому что без вас ничего не получится.

Он кивнул.

— Ладно, — сказала Илонен. — Это свидание закончено. Оно было плохим, даже хуже, чем плохим. Оно было как собеседование, на которое пришел человек, который не хочет работу. Но он пришел. И это уже что-то. Завтра здесь в тоже время. И на этот раз вы расскажете мне что-то настоящее, не про хлеб, не про замок, не про традиции, не про атмосферу. Про себя, договорились?

— Договорились.

— Также не забудьте интересоваться у кандидатки как у нее настроение и чего ей хочется. И снимите воротник.

— Нет.

— Почему?

— Потому что тогда вы увидите.

— Что?

— Меня.

Илонен посмотрела на него и тяжело вздохнула. Это будет еще труднее чем она думала.

— Данкилл, — сказала она, — я уже вижу вас и воротник ничего не меняет. Вы — это не воротник, а человек, который печет хлеб, когда ему грустно, читает любовные романы, чтобы понять, как это делается, который боится, что кто-то придет и увидит все, а затем уйдет. Но я не уйду, пока вы не снимете воротник. А вы не снимете воротник, пока не расскажете мне все. Это условие.

— Какое условие?

— Профессиональное.

— А если я расскажу?

— Тогда я останусь.

— Навсегда?

— На время.

Он задумался.

— Хорошо, — сказал он. — Но не сейчас. Потом.

— Когда?

— Когда я буду готов.

Илонен вздохнула и встала. Она надела пальто, взяла блокнот и посмотрела на этого безнадегу. Он опять сидел и смотрел в окно.

— До завтра, — сказала она.

— До завтра, — сказал он.

Когда за ней закрылась дверь, Данкилл остался сидеть с булкой с маком и с чашкой остывшего чая. А еще с мыслями, которые он не знал, как сказать.

Глава 5. Новый проект

Утро началось с кофе, который я не любила, но пила, потому что он был единственным, что могло пережить встречу с Флорой в режиме мозгового штурма. А сегодня Флора была именно в этом режиме, причем с семи утра, с тремя блокнотами, двумя карандашами и одной линейкой, разложенными на столе с той аккуратностью, с какой обычно раскладывают хирургические инструменты перед операцией, которую никто не хочет делать.

— Итак, — сказала Флора, — мы составляем план идеального свидания для темного лорда, который не умеет разговаривать, но умеет печь хлеб, и который за двести лет ни разу не снял воротник, что само по себе является либо медицинской проблемой, либо очень запущенной формой социальной тревожности, и я склоняюсь ко второму, потому что медицинские проблемы обычно решаются быстрее.

— Ты забываешь, — сказала я, садясь напротив, — что его единственный опыт общения с внешним миром ограничивается курсами магов у шарлатана двести лет назад, после которых он выучил только два фокуса — исчезать в дыму и молчать с выражением лица, которое он, вероятно, считает загадочным, но которое на самом деле выглядит так, будто он забыл, где оставил чайник.

— Тогда нам нужен план, — сказала Флора, — причем та-

кой, который учитывает все эти обстоятельства, включая воротник, дым и молчание, потому что, если мы не учтем молчание, он будет молчать весь вечер, а если мы не учтем воротник, он будет сидеть в нем, как будто готовится к ограблению, а не к свиданию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.